

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

А. Н. Радищевъ.

1791.

Въ правительствующій сенатъ, изъ иркутскаго намѣстническаго правленія рапортъ. Тобольское намѣстническое правленіе отъ 26-го числа минувшаго іюля, подъ № 17,823, сообщеніемъ увѣдомляетъ, что посланнымъ изъ онаго къ тобольскому городничему указомъ велѣно состоящаго въ присмотрѣ его арестанта Александра Радищева, присланнаго въ Тобольскъ изъ пермскаго, а въ оное изъ казанскаго намѣстническихъ правленій, туда-жъ изъ с.-петербургскаго губернскаго правленія, отправить въ сіе намѣстническое правленіе за присмотромъ одного унтеръ-офицера тобольскихъ баталіоновъ и при томъ отъ сего намѣстническаго правленія требуетъ, дабы благоволило помянутаго арестанта Александра Радищева въ назначенное ему мѣсто отправить отъ себя, а посланнаго оттолъ унтеръ-офицера отпустить обратно къ командѣ, по прежнему, въ Тобольскъ и о доставленіи того Радищева до Иркутска. Сему-жъ правленію даетъ знать о дачѣ-жъ тому конвойному до Иркутска и обратно двухъ подводъ за указные одинакіе прогоны, то-есть по деньгѣ на версту и лошадь дана отъ онаго правленія въ надлежащей силѣ подорожна; а по справкѣ въ правленіи оказалось: въ сообщеніи с.-петербургское губернское правленіе, отъ 8-го числа сентября прошлаго 1790 г. присланномъ, прописывало имянной ея императорскаго величества указъ, данной правительствующему сенату 4-го числа сентября за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владиміра кавалеръ Александръ Радищевъ

1) Архивъ прав. сената, дѣло 2 департамента, № 284.

оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: „Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву“, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изразженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживой поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно, за таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашімъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя по роду толь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашімъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всей общей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды во благо имперіи, отъ него намъ вѣренной, возжелѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Ишимской острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ ¹⁾“.

Въ намѣстническомъ правленіи опредѣлено: съ прописаніемъ справки и сего сообщенія здѣшнему городничему, предписать указомъ и велѣть, вслѣдствіе высочайшаго соизволенія, упомянутаго арестанта Александра Радицева, посредствомъ здѣшняго нижняго земскаго суда, отпрать въ Ишимской острогъ съ исправнымъ унтеръ-офицеромъ и двумя рядовыми солдатами, немедленно на десятилѣтнее безысходное пребываніе въ оную острогъ, и тому унтеръ-офицеру приказать явиться для полученія, по расчисленію верстъ отсель до Ишимска, прогонныхъ денегъ въ казенной палатѣ; а какъ тому унтеръ-офицеру съ солдатами быть при немъ, Радицевѣ, и имѣть его въ смотрѣніи, дать ему отъ намѣстническаго правленія особливое наставленіе, а казенную палату о выдачѣ на двѣ подводы прогонныхъ денегъ, съ прописаніемъ сего сообщенія, сообщить, а здѣшнему нижнему земскому суду дать знать указомъ, съ таковымъ предписаніемъ, дабы оной за тѣмъ Радицевымъ, сверхъ приставной стражи, имѣлъ и свое надзи-

¹⁾ См. полное собраніе законовъ, т. 23, стр. 168.

раніе, и къ надлежащему о семъ свѣдѣніи правительствующему сенату сию отрапортовать.

(Подлинный подписанъ двумя совѣтниками, секретаремъ и скрѣпленъ канцеляристомъ).

Октября 15-го дня 1791 г.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

К. Θ. РЫЛЪЕВЪ.

I.

Загѣтка о его стихотвореніяхъ.

Въ почтенномъ изданіи „Русская Старина“, въ 1871 г. (т. III, стр. 485 — 524), была напечатана поэма Рылѣва: „Войнаровский“ съ нѣкоторыми исключеніями, отчасти впоследствии дополненными („Русская Старина“ 1871 г., стр. 647). Нынѣ изданъ въ Петербургѣ „Сочиненія и переписка Рылѣва“, гдѣ также напечатанъ Войнаровский не совсѣмъ исправно. Сколько можно припомнить, въ старинныхъ спискахъ не было точекъ, и вмѣсто стиха:

О странникъ, странникъ, всѣ мечтали.

Было:

О странникъ, всѣ предузнавали,

Вмѣсто: „въ Батуринъ переманилъ“, — было: „переселилъ“. Вмѣсто: „Надежды родины“, — „свободу родины“. Вмѣсто: „чтитъ славныхъ“, было: „чтитъ Брута“. Тогда были понятны стихи: „защитникъ Рима“ и „достойный укоризны“ и прочее, чего за давностію трудно вспомнить.

Г. Ефремовъ, редактируя нынѣ изданіе сочиненій Рылѣва, означаетъ годъ его рожденія 1797, а г. Кропотковъ — 1789 г.; было бы достовѣрнѣе сослаться на статью А. Бестужева: „Взглядъ на старую и новую словесность“, помѣщенную въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 года, гдѣ на 29-й страницѣ этой статьи означенъ годъ рожденія Рылѣва 1795; таковая ссылка была-бы тѣмъ вѣрнѣе, что оба издателя „Звѣзды“ были еще живы въ 1823 г. и знали другъ друга.

Въ давно прошедшее время, стихотвореніе, напечатанное въ альманахѣ на 1828 годъ „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ“: „На смерть Байрона“ приписывалось автору Войнаровскаго, но объ этомъ ничего не упоминаетъ г. Ефремовъ. Во всякомъ случаѣ, стихотвореніе это, кажется, достойно быть перепечатано въ „Русской Старинѣ“, слѣдующей за исторіею отечественной литературы.

21-го іюля 1872 года.

Любитель Старины.

II ¹⁾.

На смерть Байрона.

Стихотвореніе, приписываемое Гмльдену.

О чемъ средѣ ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмогла
Элада въ дни святой борьбы....
Какою-жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣThemistokla?

Чему на шаткомъ тронѣ радъ
Султанъ роскошнаго Востока?
За что благодарить пророка
Слѣшать въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средѣ храма
Предъ алтаремъ святымъ стоять,
Весь катафалкъ огнемъ блестять
Въ прозрачномъ дымѣ ениміама.

Рыдая, вокругъ его кипитъ
Толпа шумящаго народа:
Какъ будто въ гробѣ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежать;
Какъ будто дѣви вѣковыя
Влечь опять она должна,
И вновь яромъ отягчена
Возникнувшей Элады вни....

Царица гордая морей!
Гордись—не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей!
Парацій умъ, свѣтло вѣка,
Твой смѣль, твой другъ и твой поэтъ,
Увянуль Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ—
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть—не будетъ ничего.

¹⁾ Благодаря г. «Любителя Старины» за его указаніе, перепечатываемъ изъ имѣющагося въ нашей библиотекѣ «Альбома Сѣверныхъ Музъ» 1828 г., изд. А. И., стихотвореніе: «На смерть Байрона» (стр. 244—247).

Грядой возлягутъ на твердыни
 Почить усталые вѣка,
 Ихъ безпощадная рука
 Преобратитъ поля въ пустыни.

Исчезнуть порты въ тѣмѣ времянь,
 Падуть и заустѣютъ грады,
 Погибнуть страшныя Армады,
 Возникнетъ новый Кареагенъ....
 Но сердца подвигъ благородной
 Не истребится никогда!
 Къ могилѣ Байрона всегда
 Звѣздой онъ будетъ путеводной.

Британецъ дрохлый позднякъ гѣтъ
 Придетъ, могильный холмъ уважаетъ,
 И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
 «Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
 Онъ жилъ для Англiи и міра;
 Былъ къ удивленью вѣка онъ—
 Умомъ—Сократъ, душой—Катонъ
 И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ,
 Къ гоненьямъ рока равнодушенъ;
 Онъ гению лишь былъ послушенъ,
 И дара музъ не унижалъ.
 Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
 Судьба предъ нимъ людей сердца;
 Но пыкая душа пѣвца
 Людей не вовсе разлюбила.

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
 Въ странѣ, отъ родины далекой,
 Убитый грустію жестокой
 О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
 «Друзья терзаемой Эллады—
 Вездѣ въ слезахъ, въ укоръ судьбы;
 Лишь Магометовы рабы
 Его внезапной смерти рады».

1825 года.

III.

Предчувствіе Рылѣва о своей судьбѣ.

Въ 1813 году, во время занятія русскими войсками Дрездена, князь Реппинъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, а тесть мой Михаилъ Николаевичъ Рылѣвъ—комендантомъ города. Состоя въ весьма близкомъ родствѣ съ Кондратіемъ Ѳеодоровичемъ Рылѣвымъ,

онъ далъ ему должность при комендантскомъ управленіи и даже помѣстили его въ своемъ домѣ.

Одаренный необычайною живостію характера и саркастическимъ складомъ ума, Кондратій Федоровичъ не оставлялъ никого въ покоѣ: писалъ на всѣхъ сатиры и пасквили, быстро расходившіяся по рукамъ и вооружилъ тѣмъ противъ себя все русское общество Дрездена, которое, выведенное наконецъ изъ терпѣнія, жаловалось на него князю Репнину, прося изъавить отъ злого насмѣшника... Князь передалъ жалобу общества Михаилу Николаевичу и предложилъ, во избѣжаніе ссоръ и непріятныхъ столкновеній, удалить отъ себя безпокойнаго родственника.

Подъ впечатлѣніемъ замѣчанія сдѣланнаго княземъ, Михаилъ Николаевичъ, возвратясь домой и увидавъ Кондратія, сталъ строго выговаривать ему его легкомысліе, и объявивъ, что увольняетъ отъ занятій по комендантскому управленію, приказалъ ему въ двадцать четыре часа уѣхать изъ Дрездена; при этомъ съ сердцемъ сказалъ: „Если же ты осмѣлишься послушаться, то предамъ военному суду и разстрѣляю!“

— „Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ!“ отвѣтилъ пылкій молодой человекъ, выходя отъ разсерженнаго родственника, и тотчасъ же, ни съ кѣмъ не простясь, уѣхалъ изъ Дрездена....

О пророческихъ словахъ этихъ я часто слыхалъ отъ покойной тещи моей, Маріи Ивановны Рылѣвой, при которой все сказанное происходило: „Самъ себѣ злую судьбу свою предсказалъ!“ всегда добавляла она, вздыхая, и въ умныхъ, добрыхъ глазахъ ея блистали невольныя слезы....

А. И. Фельднеръ.

Н. В. Гоголь къ И. И. Сосницкому о постановкѣ „Ревизора“.

1846 г.

Въ 1846 году Гоголь задумалъ поставить «Ревизора» въ дополненномъ и исправленномъ видѣ и вмѣстѣ съ сценами: «Театральный разъѣздъ» или «Развязка Ревизора». Мысли свои по поводу этого предположенія онъ изложилъ въ подробномъ письмѣ къ Щепкину въ Москву, напечатанномъ въ изданіи Булиша (СПб. 1857 г., т. VI, стр. 275). Изъ этого документа, между прочимъ, видно, что Гоголь намерѣвался весь сборъ съ продажи новаго изданія «Ревизора» вмѣстѣ съ сценами «Разъѣзда» обратить въ пользу бѣдныхъ. Щепкинъ долженъ былъ, въ свой бенефисъ, съ театральныхъ подмостковъ пригласить публику покупать это изданіе. То же долженъ былъ сдѣлать Сосницкій въ свой бенефисъ на петербургской сценѣ.

Въ томъ же письмѣ Гоголь просилъ Щепкина съѣздить въ Петербургъ и хлопотать какъ о разрѣшеніи поставить на сцену «Ревизора» въ его полномъ видѣ, такъ и о томъ, чтобы передать Сосницкому мысли его о лучшей

постановкѣ пьесы. «Поговорите съ Соснидцимъ,—пишетъ Гоголь—чтобъ увидать, можно ли то же самое сдѣлать въ Петербургѣ, сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте, онъ немножко упрямя въ своихъ убѣжденіяхъ.....»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Щепкину (изд. Кулиша, т. VI, стр. 278), Гоголь опять, возвращаясь къ тому же предмету, замѣчаетъ: «Если вы совершенно сошлись и условились съ Соснидцимъ относительно постановки «Ревизора» въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Соснидциму, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что-нибудь нужное и для собственнаго соображенія.....»

Послѣ смерти И. И. Сосницаго, въ многихъ оставшихся послѣ него бумагахъ, найдено упомянутое выше письмо Гоголя. Покойный артистъ очень дорожилъ имъ, и мы еще при жизни его слышали отъ Ивана Ивановича объ этомъ письмѣ. Сообщеніемъ его мыѣ на страницахъ «Русской Старины», мы обязаны почтенному артисту И. Ѳ. Горбунову. Ред.

2-го ноября 1846 года.

Если вы уже все узнали отъ Щепкина и рѣшились сдѣлать дѣло васъ достойное, добрѣйшій мой Иванъ Ивановичъ, то присоединяю еще двѣ-три строчки моей убѣдительноѣйшей просьбы. Обратите ваше вниманіе на послѣднюю сцену „Ревизора“. Обдумайте, обмыслите вновь. Изъ заключительной пьесы „Развязка Ревизора“, вы постигнете, почему я такъ хлопочу объ этой послѣдней сценѣ и почему мнѣ такъ важно, чтобы она имѣла полный эффектъ. Я увѣренъ, что вы взглянете сами другими глазами на „Ревизора“ послѣ этого заключенія, котораго мнѣ, по многимъ причинамъ, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите всѣ ваши силы, чтобы „Ревизоръ“ былъ обставленъ со всѣхъ сторонъ и вполне хорошо, чтобы всѣ актеры сдѣлали свое дѣло хорошо. Вы сдѣлаете этимъ дѣло не только доброе, но истинно христіанское. (Продажа „Ревизора“ въ новомъ видѣ съ „Развязкой“ назначена въ пользу бѣдныхъ, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу). Не полѣнитесь сыграть сами предуготовительно передъ актерами роль Хлестакова, которую, кромѣ васъ, рѣшительно никто не можетъ выполнить. Вы можете этимъ дать имъ разъ навсегда мотивъ. Теоретически изъ нихъ никто не можетъ понять, что эту роль непременно нужно сыграть въ видѣ свѣтскаго человѣка *comme il faut*, вовсе не съ желаніемъ сыграть лгуна и щелкопера, напротивъ, съ чисто-сердечнымъ желаніемъ сыграть роль чиномъ выше своего собственнаго, но такъ, чтобы вышло само собою въ итогъ всего—и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкоперъ во всѣхъ отношеніяхъ. Все это вы можете внушить имъ только одной игрой своей, а словами и наставленіями не сдѣлаете ничего, какъ бы ни убѣдительно имъ разсказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить ка-

раक्टरъ еще могутъ, но создать характера не могутъ; насилуя себя произвести послѣднее, они станутъ даже ниже самихъ себя. Потому-то примѣръ, вами данный, болѣе наведетъ ихъ на законную дорогу, чѣмъ ихъ собственное разсужденіе. Что же касается до игры въ послѣдней пьесѣ, то-есть въ пьесѣ „Развязка Ревизора“, то насчетъ этого прочтите мои строки въ письмѣ къ Щепкину. Въ нихъ я дѣлаю ему прямо и откровенно мои замѣчанія и даже совѣты, зная, что онъ, по страсти и любви къ искусству, готовъ себя считать вѣчнымъ ученикомъ и выслушивать даже и не весьма умные по виду совѣты, даже и отъ простыхъ людей. Замѣчанія эти вы все-таки примите въ свѣдѣнію, хотя знаю, что они вамъ не совсѣмъ идутъ, потому что вашъ талантъ имѣетъ свою своеобразность и качества другія нежели у Щепкина (сильно жалалось бы мнѣ когда-нибудь увидѣть васъ обоихъ въ одной пьесѣ, въ двухъ различныхъ роляхъ, ни чуть не похожихъ одна на другую, но равно великихъ и трудныхъ, чтобъ увидѣла ясно публика, что такое собственно Щепкинъ и что такое собственно Сосницкій). Одно то, что вамъ, равно обоимъ, замѣчу и что долженъ замѣтить всѣмъ, кто бы несталъ играть въ пьесѣ „Развязка Ревизора“ первую роль, то-есть роль комическаго актера,—это то, чтобъ произносить какъ можно тверже, крѣпче и проще слова, какъ бы самую простую, но близкую въ дѣлу и нужную рѣчь. Храни Богъ отъ всякой сантиментальности и напряженнаго жару, вдругъ не станеть голоса къ концу монолога, пересохнетъ горло и останешься въ какомъ-то вяло-плаксивомъ и пьяномъ положеніи, тогда какъ слѣдуетъ пребывать во все время монолога въ трезвомъ и свѣтломъ состояніи духа. слѣдуетъ изворотиться молодцомъ. слѣдуетъ показаться полководцемъ, бодрящимъ и подстрекающимъ другихъ на битву, а не рядовымъ солдатомъ, кидаящимся самому въ пылъ сраженія. Словомъ, голосъ актера здѣсь долженъ быть побѣдоносно-торжествующій, истинно генеральскій голосъ. Этими словъ не пропустите, Иванъ Ивановичъ, и Щепкину также это скажите. И Богъ вамъ въ помощь обоимъ. По окончаніи пьесы, когда васъ вызовутъ, вы, раскланявшись съ публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить „Ревизора“, который продается, при выходѣ изъ театра, въ пользу бѣдныхъ, по рублю серебромъ съ „Развязкой“ вмѣстѣ. Кто же пожелаетъ дать больше, тотъ вручалъ бы деньги вамъ самимъ и покупалъ бы лично изъ вашихъ рукъ, а вы все это доставляйте Плетневу, которому порученъ сборъ денегъ и отъ котораго поступаютъ онѣ къ тѣмъ, на которыхъ возложена раздача бѣднымъ. Побывавъ у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого-либо усовершенствованія собственно отъ васъ въ дѣлѣ изданія „Ревизора“ относительно-ли

ворректурѣ или чего другого. На немъ слишкомъ навьючено теперь всякихъ обузъ и ему довольно тяжело и трудно управляться одному. За все это поблагодарю васъ лично, когда приведетъ Богъ встрѣтиться. Смотрите, чтобы продажа въ театральныхъ лавкахъ поручена была надежнымъ продавцамъ и не употребляйте для этого въ посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что одинъ изъ этихъ господъ, на котораго я вздумалъ-было положиться, денежки прибиралъ къ себѣ и на нихъ кутилъ, складывая вино на продавцевъ, которые ему не приносятъ; а когда я вздумалъ, наконецъ, спросить продавцевъ, дѣло открылось. Это примите къ свѣдѣнію. На этотъ разъ грѣхъ будетъ большой на душѣ того, кто украдетъ копѣйку—деньги эти въ пользу бѣдныхъ; это имъ объявите.

Но прощайте. Если захотите мнѣ написать, хотя двѣ строчки, что мнѣ будетъ очень приятно, адресуйте въ Неаполь (Poste restante). Затѣмъ обнимаю васъ, искренно васъ любящій Г. ¹⁾

Смотритель училищъ въ 1829 г.

Въ Орловской губерніи довольно распространены у любителей курьезовъ копія съ прошеній нѣкоего Ильи Шелкова, бывшаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія штатнымъ смотрителемъ училищъ въ городѣ Сѣвскѣ. С. Н. Гавриловъ сообщилъ намъ точный списокъ съ подлинныхъ бумагъ, писанныхъ тудакомъ-педагогомъ. Бумаги эти—прошенія, доносы и объяснительныя письма Шелкова къ попечителю московскаго учебнаго округа Писареву и къ начальнику Орловской дирекціи училищъ Арсеньеву. «Какъ фактъ, свидѣтельствующій о состояніи, въ какомъ должна была находиться у насъ учебная часть при дѣятеляхъ подобныхъ Шелкову и Давыдову—настоящее дѣло, по справедливому замѣчанію г. Гаврилова, не лишено интереса.—я мы приводимъ изъ него три документа.

Ред.

Священно-избранный генералъ, милостивый государь! Последнее убижище для изнуренной старости, Александръ Александровичъ Писаревъ!

Малая птичка, по повѣсткѣ матери своей, отъ налетающаго воршуна прячется подъ вѣтвистый кустъ; роды Везувія извѣщаютъ земнороднаго: „прячься, прячься въ пещеры Аппенина!“

Обветшавшая отъ 40-ка-лѣтнихъ трудовъ старость, нынѣчасъ съ 6-ти-лѣтками, изнуренная отъ набѣгавшихъ ненавистниковъ старости, разстрѣленная кривосудіемъ быстро-ученыхъ, гдѣ съищеть себѣ хотя соломенную кровлю отъ гордыхъ мразовъ? Куда ей кинуться по ползкомъ?

¹⁾ Мѣсяцъ спустя, Гоголь отступился отъ своего намѣренія поставить на сцену «Ревизора» съ «Развѣзкой» и устроилъ продажу его изданія съ благотворительною цѣлью. См. объ этомъ письмо его къ Плетневу въ изд. Кулиша т. VI, стр. 296).

Ред.

Конечно, уже къ близкой гавани Сизепольской (sic)—къ Писареву. Священно-избранный генералъ! Выслушай историческій разсказъ, старымъ поповичемъ, за 40 лѣтъ послужившимъ отечеству, составленный:

„Священной памяти визитаторъ училищъ, Фѣдоръ Ивановичъ Чумиковъ, 1825 года, ангельски явился, ангельски дѣло свое началъ. Умный, справедливѣйшій судья, строгоразсичпчатый, милостиво-ласковый отецъ. Чего бы дитя и не домыслилось, но естественно постигаетъ и лепечетъ на ласки священному милостивцу своему. Чумиковъ — не крикунъ; Чумиковъ бесѣдуетъ съ дѣтьми въ царскіе часы; Чумиковъ, какъ благородный судья, изъ палаты вышедшій, не похваствуетъ и встрѣчному и поперечному, что въ судѣ дѣлается, а рапортуетъ совѣту, отъ котораго посланъ. Чумиковъ ангельски прибыль, ангельски и простился съ дѣтьми.

„А противоположность: 1829 г., визитаторъ училищъ Давыдовъ ¹⁾ не далъ и знать о своемъ припадѣ; въ 7 часовъ бѣгалъ въ училищѣ съ пригготовительною сердитостью на встрѣчу мнѣ: „Шелковъ!“ пробѣжалъ съ грознымъ лицомъ изъ класса въ классъ; вопрошаетъ: „Гдѣ деньги? Гдѣ библиотека? Гдѣ письмоводство? Копѣ! копѣ! копѣ! и мгновенно азартно кричить: „Какъ вы смѣли?“ „Да, какъ вы смѣли?“ Болѣе трехъ часовъ кричалъ азартно. Богу благодареніе! Старость моя удержала свою батарею.—Вотъ почему; вотъ что дѣлается.... Но ни вниманія, ни изслѣдованія — нѣтъ. „Неправда! старики лгутъ!“ кричалъ визитаторъ... Пошелъ въ классы и назначаетъ учителямъ—Цвѣткову и Сновалову вопрошать. Какая противоположность! Визитаторъ тихъ; ложная поддѣлка учителей; блестящая красота! (№ 15 затвердилъ: „ежели“...; № 20 затвердилъ: „а буде“...).

„Дѣти 6-ти лѣтъ, ученики нижняго отдѣленія, заперты въ тѣсной горницѣ, числомъ до 40, просидѣли безъ дѣла, безъ выхода, болѣе 6-ти часовъ, опотѣли, обчесались, дремали, спали. Визитаторъ училищъ, въ исходѣ 1-го часа, указалъ спрашивать мнѣ, и не спросилъ я трехъ отвѣтовъ, какъ мгновенно вскакиваетъ и азартно кричить визитаторъ: „Ахъ, Боже мой! ужъ и русской-то грамоты не знаютъ!“ т.-е. грамматики. А я скажу: „Россійская грамматика есть тайна Божія для 10-ти-лѣтняго, да какая еще тайна для того, на котораго кричать, который болѣе 6-ти часовъ на ногахъ и дремлетъ....

Визитаторъ идетъ къ запертымъ малюткамъ, и увидѣвъ одного опотѣвшаго и дремлющаго, вскричалъ: „Не видишь ли ты, мужланъ,

¹⁾ Извѣстный впоследствии директоръ педагогическаго института Иванъ Ивановичъ Давыдовъ. Ред.

и сидишь?" Ко мнѣ: „Вотъ, сударь, ваша служба! Тутъ нечистоты, парши, язва, зараза!...“ Визитаторъ въ квартирѣ своей со всѣмъ уси-
 лиемъ рассказываетъ сѣвскому казначею, какъ онъ напелъ у меня
 все худое, съ усилениемъ сколько разъ повторяя одно и то же. Казна-
 чей взаходы смѣется; учителя хохочутъ; одинъ скромный директоръ
 училищъ не смѣется, а оборотаясь ко мнѣ, утѣшаетъ: „Молчи, молчи;
 я упрошу Ивана Ивановича...“

„Визитаторъ не поддержалъ училища, а болѣе разстроилъ: учи-
 тель Сновалевъ бросилъ классы, обуявшись пьянствомъ; въ полночь
 вломился въ домъ благородный, буянить матершиной при молодой
 боярынь, дѣвицахъ, и бывъ изгнанъ, бросилъ картузь ховяину; въ
 морозъ бѣжалъ болѣе 100 сажень, простудился и боленъ, ни вонъ
 изъ горницы уже 36 дней, а ученики бѣдствуютъ. Съ 1-го августа
 понинѣ я одинъ въ 3-хъ классахъ; почетный училищъ смотритель
 ни раза не былъ въ училищѣ въ 4 мѣсяца. Грѣхъ непростительный
 и училищному комитету университета! Еще въ июнѣ мѣсяцѣ вызванъ
 изъ Сѣвска учитель Стариковъ во Мценскъ, а о сѣвскихъ ученикахъ
 не помечались: не бѣдствуютъ ли они? Кто съ ними бѣдствуетъ
 уже 4 мѣсяца?

Восплачуся, яко старикъ есмь русский! Что ученые зрятъ и на
 монаршее заведение гордымъ и неснымъ сердцемъ, а старости
 изнуренной, разстрѣленной ожидать ли отъ нихъ утѣшенія?

Священно-избранный генералъ! Вонми себѣ и свяди руку твою
 и настави сыны твоя. Есть ли для тебя на свѣтѣ что лучше, какъ
 старость призрѣть?

Если бы ты зналъ, каковъ я былъ въ молодости! Грейгъ, Крюкъ.
 Цуцинъ, въ Кронштадтѣ по головкѣ меня погладили за 150 ученицъ
 и учениковъ. Почиталъ я васъ повиновениемъ въ молодости моей, а
 нынѣ презрите меня въ старости моей: у меня есть еще законная ста-
 руха и дочь горькая..... Жалуй мнѣ пенсію по новому штату и
 дѣло какое дай; не хочу быть празднымъ.

Милостивый попечитель! Надѣюсь и жду, что ты не забудешь
 старости моей. Еще, еще караю въ 3-хъ классахъ одинъ. Штат-
 ный смотритель училищъ Илья Шелковъ. 1829 года, 22-го ноября,
 изъ Сѣвска“.

Вслѣдствіе предписанія попечителя, директоръ училищъ немедленно
 затребовалъ къ себѣ въ Орель Шелкова, поручивъ ему сдать должность
 смотрителя старшему по немъ учителю, но въ отвѣтъ получилъ слѣ-
 дующій рапортъ Шелкова отъ 13-го декабря, за № 293. „Предписаніе
 вашего высокородія, за № 3579, получено и во исполненіе оного до-

нощ. Благодареніе Богу! Я во всякую секунду приготовлялся къ отвѣтамъ перекрестнаго огня, но вижу небесную милость начальства ко мнѣ: „для совѣщанія по дѣламъ, касающимся до службы, явиться мнѣ въ Орелъ“.

И того же бы 12-го декабря кинулся я, полегѣлъ бы къ вамъ, но естественныя есть препятствія: ей, ей! нѣтъ ни копѣчки на дорогу—300 верстъ.

То соблаговолите—отъ Сѣвска до Орла, отъ Орла до Сѣвска, положить прогонныхъ на двѣ лошади—15 р. и 15 к., какъ сказала почтмейстеръ; также на дорожное пропитаніе старику во время походное назначить изъ декабрьскаго жалованья, какую часть соблаговолите

2-е препятствіе: строптивый учитель Сновалевъ шалостями своими лишилъ невинныхъ учениковъ, отнялъ у нихъ царское ученье, пролежавъ въ квартирѣ 36 дней, и теперь чуть-чуть ходить, но и голосу нѣтъ.

Протоіерей Цвѣтковъ, самовольно пролеталъ сѣмо и овамо 11 дней и теперь не идетъ въ классъ. Учитель Алленовъ есть также участникъ въ нарушеніи училищнаго благоденствія; но сей незнающъ ни въ нижнемъ отдѣленіи, ни въ историческомъ классѣ.

Такъ на кого же положиться въ монаршемъ заведеніи? И еще мнѣ, и еще увѣщаваю млада протоіерея: „малыхъ сихъ дѣтей государственныхъ училищъ заповѣдамъ Божиимъ, а самъ оскорбляешь монаршее заведеніе. Со строптивымъ бесѣдуешь, строптиваго слушаешь, строптивому послѣдуешь: презираешь классы.

Вразумите и вы нарушителей; поручить мою должность протоіереемъ Цвѣткову, ежели уже нѣтъ лучшихъ средствъ—изъ Орла кого послать.

3-е. Какъ я уже имѣлъ несчастіе войти съ донесеніями моими не только къ вамъ, но и къ попечителю университета, то соблаговолите, чтобы я взялъ съ собою часть какую бумагъ училищныхъ на справку мою, ибо яко старикъ изнуренный всего не припомню прошедшаго. Смотритель училищъ Илья Шелковъ“.

Вотъ предписаніе попечителя Писарева объ увольненіи Шелкова:

„Министерство народнаго просвѣщенія. Московскій учебный округъ. Отъ попечителя онаго округа. 3-го декабря 1829 года. № 1,655. Господину директору орловскихъ училищъ.

Препровождая при семъ полученную мною съ почты безсмысленную просьбу одного изъ учителей вашихъ, штатнаго смотрителя сѣвскаго уѣзднаго училища Шелкова, отъ котораго неоднократно уже подобныя прежде сего получалъ, честь имѣю предложить вашему высокоблагородію, вытребовавъ сего учителя къ себѣ на лицо и лично

увѣрившись въ его безразсудности, немедленно о томъ представить училищному комитету; до того же времени должность его поручить другому, и воспретить ему, чтобы онъ впредь, мимо своего мѣстнаго начальства, подобныхъ просьбъ не разсылалъ, вопреки всѣхъ узаконеній противъ подчиненности, и о послѣдующемъ меня особенно уведомить. Попечитель московскаго учебнаго округа генералъ-майоръ Писаревъ“.

Наставленіе ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ.

24 октября 1849 г.

1) Въ инструкціи ректору и деканамъ изложены ихъ обязанности и порядокъ дѣйствія въ надзорѣ за университетскимъ преподаваніемъ. Между тѣмъ современныя политическія обстоятельства и господствующія въ западной Европѣ идеи требуютъ особеннаго въ этомъ отношеніи предостереженія, которое, по самому существу своему, не подлежитъ гласности и должно быть извѣстно только лицамъ, имѣющимъ ближайшее наблюденіе за ходомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) Ректоръ университета и деканы факультетовъ, будучи обязаны имѣть постоянный и дѣятельный надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскаго ученія, обращаютъ особенное и самое бдительное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ. Таковы, напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія воиныхъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

3) При предварительномъ разсмотрѣніи программъ этихъ наукъ, которыя, по своей важности, утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, при посѣщеніи лекцій и во время испытаній, ректоръ и деканы строго наблюдаютъ за неприкосновенностію начала, служащаго основой нашего государственнаго быта. Оно состоитъ въ томъ, что Россія, какъ по мѣстному своему положенію, правамъ народнымъ и потребностямъ всѣхъ сословій, такъ и по вѣковымъ историческимъ событіямъ, упрочившимъ ея благоденствіе, не можетъ и не должна имѣть инаго образа правленія, кромѣ монархическаго самодержавнаго, въ которомъ государь, какъ покровитель церкви и отецъ отечества, есть не только средоточіе, но и соединеніе всѣхъ

властей въ государствѣ: законодательной, судебной и исполнительной. Посему въ университетскомъ преподаваніи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допускаемо не только порицаніе нашего образа правленія, но даже въявленіе сомнѣній въ пользѣ и необходимости самодержавія въ Россіи.

4) Въ настоящее смутное время, когда большая часть такъ-называемой, просвѣщенной Европы, забывъ евангельскую заповѣдь о повинновеніи законнымъ властямъ, поколебала и отчасти ниспровергла престолы царей съ провозглашеніемъ верховнаго вѣдательства народа,—болѣе, нежели когда-либо надлежитъ ограждать университетское юношество отъ чуждыхъ намъ понятій о мнимомъ превосходствѣ республиканскаго или конституціоннаго правленія, объ ограниченіи монархической самодержавной власти, о равенствѣ всѣхъ состояній и тому подобнаго. Не довольствуясь отстраненіемъ этихъ зловредныхъ мнѣній, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ программахъ и преподаваніи рѣшительно ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и покорности высочайшей власти и законамъ отечественнымъ.

5) Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, каковы сень-симонисты, фуріеристы, социалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, играющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ безземельною и бездомною чернью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣди внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и, по несчастію, преуслѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ наедръ все, что можетъ, даже и косвенно, содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторою опорой. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлію унизить достоинство и пользу какаго бы то ни было сословія въ государствѣ, или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленныя или сомнительныя намѣки на счетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности.

6) Съ этимъ же намѣреніемъ и въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоры и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессоровъ изъяслять, въ неумѣренныхъ выраженіяхъ, сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ, или доказывать, что пережѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства.

Товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ.

Собственною рукою императора Николая Павловича написано: «Совершенно справедливо».

Сообщ. Фонъ-деръ-Ховенъ.

Султанъ турецкій и Запорожцы.

Во многихъ рукописныхъ сборникахъ попадаетъ весьма курьезное письмо Запорожцевъ къ одному изъ турецкихъ султановъ въ XVII столѣтіи. У насъ два списка—одинъ въ объемистомъ сборникѣ прошлаго столѣтія, сообщ. А. А. Шишковымъ, а другой—списанъ покойнымъ Н. И. Бахтинымъ изъ бумагъ московскаго архива и сообщенъ намъ Н. Н. Селифонтовымъ. Мы приводимъ письмо Султана по первымъ двумъ спискамъ, а отвѣтъ Запорожцевъ по списку Н. И. Костомарова съ его примѣчаніемъ. Отмѣтимъ, что одинъ изъ варьянтовъ—письма Запорожцевъ—быть, кажется, помѣщенъ въ «Описаніи хронографовъ» Андр. Попова.

Ред.

Султанъ Мухамедъ IV въ запорожскимъ казакамъ.

1680 года.

Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ—солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣтель всѣхъ царствъ: Македонскаго, Вавилонскаго и Іерусалимскаго, великаго и малаго Египта; царь надъ царями; властитель надъ всѣми существующими; необыкновенный рыцарь, нигдѣ необходимый; хранитель неотступный гроба Іисуса Христа; почитель Бога самого; надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія, и меня вашимъ нападеніями не заставляйте беспокоить! Султанъ турецкій Мухамедъ.

Запорожцы — турецкому Султаку.

Ти шайтанъ турецкій, проклятого чорта братъ и товарищъ и самого люцифера секретарь! який ти въ чорта лицарь, чортъ с. . е, а ти и твое войско поживае. Не будешъ ти годенъ снѣвъ христіанскихъ підъ собою мати; твого войска ми не боїмося, землю и водою будемъ битися ми зъ тобою. Вавилонскій ти кухарь, македонск-

кнй колесникъ, іерусалимський броварникъ, александрийський возолупъ, великого й малого Египта свинарь, армянська свиня, татарський сагайдакъ, камінецький катъ, подольський злодіюка, самого гаспида внука и всѣго свѣта и підсвѣта блазень, а нашого бога дурень, свиняча морда, кобиляча с...ка, різницька собака, некрещений лобъ, бы твою чортъ паривъ! Оттакъ тобі козаки відказали, плюгавче, не вгодень еси матери вірникъ християнъ. Числа не знаємъ, бо календаря не маємъ, місяць у небі, а годъ у книжиці, а день такий и у насъ якъ у васъ, поцілуй за се въ г...о насъ! Кошовий отомакъ Захарченко со всімъ кошомъ запорозькимъ.

Примѣчаніе. Вотъ въ какомъ видѣ извѣстенъ миѣ отвѣтъ казаковъ султану. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли былъ данъ такой отвѣтъ, или это измышленіе, но во всякомъ случаѣ старое, запорожское. Отвѣтъ этотъ можетъ относиться ко времени Мухамеда IV (царствовалъ съ 1648 по 1687), завоевавшего Каменецъ (1672 г.) и Подоль; на это намекають слова: «камініцький катъ, подольскій злодіюка». Для сопоставленія сравни приводимую въ Дневникѣ Титловскаго (напечатано въ приложеніяхъ къ I тому лѣтописи Величка стр. 3—5) переписку между королемъ польскимъ Сигизмундомъ III и турецкимъ императоромъ Османомъ.

Н. И. Костомаровъ.